

А. А. Блок

БЛОК Александр Александрович [16(28).11.1880, Петербург — 7.8.1921, Петроград] — поэт, драматург, публицист.

Родился в культурной дворянской семье. Отец, А. Л. Блок, был юристом, профессором Варшавского ун-та по кафедре гос. права; мать, А. А. Бекетова (по второму браку — Кублицкая-Пиотух), дочь известного ученого-ботаника А. Н. Бекетова, ректора Петербургского ун-та. Родители Б. разошлись еще до рождения сына. Главной причиной тому послужил крайне сложный, тяжелый характер Александра Львовича. Б. отмечал, что в его душевном и физическом облике было «что-то судорожное и страшное». Вместе с тем поэт отдавал должное несомненным достоинствам отца: «...кроме специальной учености, очень образованный человек; он — талантливый музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист» (Первые лит. шаги. Автобиографии совр. русских писателей. М., 1911. С. 86.). О кровном родстве с отцом Б. никогда не забывал.

Б. рос в дружной семье деда, окруженный всеобщим вниманием и заботой. По свидетельству первого биографа поэта, его тетки М. А. Бекетовой, он был очень нервным, впечатлительным ребенком, она же отметила рано проявившиеся в нем худож. наклонности и особую чуткость к явлениям природы. «Сочинять я стал чуть ли не с пяти лет», — писал Б.

в автобиографии (СС: в 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 13), упоминая о том, что с раннего детства переживал постоянные приливы «лирических волн». Этому способствовала царившая в семье атмосфера любви к поэзии и музыке. Стремление Б. к сочинительству всячески поощрялось в кругу его близких, особенно матерью, Александрой Андреевной. Он «издавал» в детские и отроческие годы рукописные ж. (в одном экземпляре), где пробовал свои силы в самых разных жанрах — от путевых заметок и фельетонов до переводов, пародий и стихов. Однако «серьезное писание» началось лишь в 17 лет, после окончания Петербургской Введенской гимназии. Эта первая пора творчества (1898–1900) была периодом накопления опыта и поэтического самоопределения Б. В то время он как бы «переживал» русскую поэзию от Жуковского до Фета: он и мыслил, и чувствовал, и творил в ее романтическом духе. Вместе с тем ему дороги и близки Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Полонский. Их мотивы, образы, цитаты из их произведений присутствуют в его ранних стихах. В 1898 Б. поступил на юридический ф-т Петербургского ун-та, сразу ощутив возросшую личную свободу. Он всерьез увлекся театром и даже «готовился в актеры», некоторое время входил в состав труппы Петербургского драматического кружка. И наконец, юным поэтом впервые завладели любовные переживания. В 1897 на немецком курорте Бад-Наухайм он познакомился с Ксенией Михайловной Садовской. Роман их длился несколько лет. Он отразился в страстно-сумбурных юношеских письмах к Садовской, а также во мн. стихах, ранних и позднейших (цикл «Через двенадцать лет», 1909). Летом 1898 произошла встреча Б. с его будущей невестой и женой — Л. Д. Менделеевой (дочерью Д. И. Менделеева). Любовь Дмитриевна сразу же произвела на него огромное впечатление. С этого момента для Б. начался новый отсчет времени.

Свою раннюю лирику (1898–1900) Б. позднее рассматривал под символическим знаком «Ante Lucem» («Перед рассветом», «Перед Светом»). Это была пора смутных надежд, юношеских мечтаний, поисков Идеала, «неведомого Бога», духовных основ жизни, пора блужданий в «предрассветных сумерках». Подобное восприятие и обозначение раннего периода творчества возникло не сразу, а лишь после того, как в сознании Б. постепенно сложилась его необычная поэтическая мифология, связанная с важнейшим образом-символом Вечной Женственности, Прекрасной Дамы, с идеями преображения

мира. Б. хранил свое творчество в тайне, как нечто сокровенное, о нем знали лишь самые близкие люди. В преддверии XX в. Б. живет в чаянии каких-то невиданных грядущих перемен, которые казались ему неотвратимыми. Порой у него появляются апокалипсические настроения. Он часто испытывает особые состояния души, вызванные ощущением сопричастности таинствам мира. Ему чудится присутствие в окружающем, в природе, во вселенной некоего сокровенного смысла. Б. усиленно занимается древней идеалистической философией, глубоко восприняв учение Платона о духовной сущности мироздания. Под влиянием идей Платона крепла вера поэта в существование «иных миров», где совершается истинное бытие. Эта философия во многом близка романтической идее «двоемирия», нашедшей поэтическое выражение в лирике Жуковского и Фета. Одним из ключевых событий в жизни Б. стало знакомство в 1901 с творчеством философа и поэта Вл. Соловьева. Б. почувствовал в нем своего духовного «предтечу». Ему открылись истоки его смутных переживаний, стала понятней «мистика, которой был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века». (СС: в 8 т. Т. 7. С. 13). Под влиянием Вл. Соловьева Б. все сильнее захватывала мысль о воплощении Идеала в земной действительности. Он уверовал в возможность соприкосновения идеального («иног») и реального миров. Все то, что происходит «здесь», на земле,— это, по словам Вл. Соловьева, «только отблеск, только тени от незримого очами». Поэта привлекали метафизические представления о том, что земной мир есть своего рода «овеществленная фикция», несовершенная «изнанка» подлинных миров. В одном из стих. 1901 Б. прямо пишет о своей приверженности лучезарным «мирам иным»: «Внемля зову жизни смутной, / Тайно плещущей во мне, / Мысли ложной и минутной / Не отдамся и во сне». Эта двойственность мировосприятия стала одной из основ блоковской символистской поэзии.

Ожидание грандиозного преобразования все теснее связывалось в его сознании с нисхождением на землю Вечной Женственности. Явлению Ее, Тиниственной Девы, должны предшествовать некие знаки, доступные лишь духовному взору избранных, «посвященных». В особых экстатических состояниях поэту чудятся небесные (зори, закаты) и земные «видения». Чаение преобразования мира достигло кульминации «мистическим летом» 1901 в Шахматове, дорогом сердцу Б. подмосковном имении, где он проводил летние

месяцы: «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо — / Все в облике одном предчувствую Тебя». Это программное стих.— один из самых характерных образцов символистской поэзии начала века. В нем ярко выразились мистические переживания поэта, обостренно чувствующего связь со сферами неземными — лучезарными, божественными. Б. жил верой в то, что есть уже на земле олицетворенный образ Вечной Женственности, о котором до конца дней мечтал Вл. Соловьев. Подразумевая Л. Д. Менделееву, Б. писал: «Я встретил ее здесь, и ее земной образ, совершенно ничем не дисгармонирующий с неземным, вызвал во мне <...> бурю торжества...» (СС: в 8 т. Т. 7. С. 348). Б. воспринимает свою любовь к ней как возвышенный «мистический роман», как важное действие некоей вселенской мистерии обновления. Его избранница оказалась на небывалой в поэзии со времен Данте и Петрарки высоте. Стихи запечатали ее реальные черты (молчаливая, стройная «розовая девушка» с «золотой косой» и т. д.), но она прежде всего «небесное» создание, «земное воплощение», по словам Б., «пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности (Там же. С. 62). На многих стих. Б. 1901–02 лежит ответ многогранного образа Прекрасной Дамы. Это — главный символ его ранней лирики.

Между тем земной роман влюбленных протекал довольно драматично: с отчуждением и непониманием с ее стороны, с его отчаянием, мыслями о самоубийстве, с муками несбыточных надежд, тревогами, реальной и «мистической» ревностью. Наконец 7 нояб. 1902 Б. получил «царственный ответ»: Любовь Дмитриевна согласилась стать его женой. Сразу же после этого события было написано стих. **«Я их хранил в приделе Иоанна...»**, открывшее новую главу «лирического дневника» Б. (цикл **«Распутья»**). Завершился почти двухлетний период, в течение которого создавались **«Стихи о Прекрасной Даме»**, составившие центральный цикл первого тома «лирической трилогии».

В 1901, который поэт считал «исключительно важным» и решившим его судьбу, Б. перешел с юридического на историко-филол. ф-т Петербургского ун-та, гораздо больше удовлетворявший его духовным запросам и интересам. С начала 1900-х постепенно расширяется круг блоковского общения. В автобиографии Б. особо выделяет завязавшееся в это время знакомство с М. С. Соловьевым (братом Вл. Соловьева) и его женой, О. М. Соловьевой. Они были первыми, кто «со стороны» обратил внимание на блоков-

ские стихи. В марте 1902 Б. познакомился с З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским, которые активизировали его интерес к актуальным религиозно-общественным и эстетическим проблемам. Именно в руководимом Мережковскими ж. «Новый путь» (1903. № 3) появилась первая подборка стих. Б. («Из посвящений»). В том же году в 3-й книге альм. «Северные цветы» был опубликован цикл стих. под заглавием «Стихи о Прекрасной Даме» (заглавие предложено В. Брюсовым). В янв. 1903 Б. вступает в интенсивную переписку с Андреем Белым, с которым его сближали сходная мистическая настроенность, родство духовных поисков, верность соловьевским заветам. В янв. 1904 Б. с женой (бракосочетание состоялось в авг. 1903) совершил поездку в Москву, где встретился с Андреем Белым, В. Брюсовым, К. Бальмонтом, С. Соловьевым и др. Популярность Б. стала расти, особенно в символистских и около-символистских кругах. В 1904 Б. получил от московского изд-ва «Гриф» предложение издать сб. стих. Книга под названием «Стихи о Прекрасной Даме» вышла в окт. 1904 (на титульном листе — 1905). К моменту выхода сб. Б. уже довольно далеко отошел от тех идей и мотивов, которые составили его поэтическое содержание, они уже стали как бы «прошлым» в духовном развитии художника. Период «Стихов о Прекрасной Даме» (1901–02) сам Б. позднее образно, на своем символистском языке, назвал «мгновением слишком яркого света». Этот «свет» на время ослепил его, но он видел, что мир остается неизменным, непретворенным, чуждым Идеалу.

Мировосприятие Б. менялось. Боготворимая им Дева, которую он считал земным воплощением Вечной Женственности, стала его спутницей; «вселенская мечта» оказалась отъединенной от избранницы поэта. «Земная» любовь подчас трудно уживается в сознании и в душе лирика-мечтателя с «небесным» Идеалом. В непростой ситуации самоопределения стал происходить постепенный переход Б. от «снов мечты» к тем самым «тяжким снам житейского сознания», которые Вл. Соловьев призывал «отряхнуть» во имя высших ценностей духа, мистических идеалов. «Все перемены жизни,— писал поэт С. Соловьеву в дек. 1903,— и мои лично, и твои, и наши, и те, и другие, и еще, и еще!., все обвили меня белой пеленой, обвязали к чему-то. Все, что было, отрезало пути к отступлению в детство жизни». (ЛН. Т. 92. Кн 1. М., 1980. С. 355).

Б. все пристальнее вглядывается в окружающую действительность; его привлекает

«мистицизм в повседневности», который в стихах того периода нередко оборачивался «фантастическим реализмом». Приметы нового подхода видны в таких стих. «Распутный», как «Фабрика» («В соседнем доме окна желты...»), «Из газет» («Встала в сиянии. Крестила детей...»), « — Все ли спокойно в народе?...» и др.

Нарастание драматических событий первой русской революции усиливало социальную чуткость, отзывчивость Б., хотя нередко он воспринимал ее с метафизической, то есть сверхреальной, точки зрения. Реальность (конечно, символически переосмысленная) буквально «вырывается» в его стихи 1904–06. Это особенно ощутимо в тех из них, которые вошли позднее в цикл «Город»: «Митинг» («Он говорил умно и резко...»), «Поднимались из тьмы погребов...», «Еще прекрасно серое небо...», «Вися над городом всемирным...», «Сытые» («Они давно меня томили...») и др. Б. искал теперь иные, земные ценности взамен отвлеченных мечтаний юности. Единый, всеобъемлющий образ Вечной Женственности распался в сознании поэта на разнородные женственные лики. Это и загадочная «Незнакомка», и «площадная проститутка», и просто встречная женщина... Лирический герой произведений тех лет (1904–07) — уже не рыцарь Прекрасной Дамы, не отрок, «зажигающий свечи», не мечтательный мистик. Это — окунувшийся в стихию жизни поэт, «посетитель ночных ресторанов», во многом разуверившийся, но всегда готовый принять от изменчивого мира миг «кнечаянной радости». Именно так — «Нечаянная Радость» — Б. назвал свой второй сб. (1907). «„Нечаянная Радость“ — первые жгучие и горестные восторги — первые страницы книги бытия. Чаши отравленного вина, полувоплощенные сны. С неумолимой логикой падает с глаз пелена, неумолимые черты безумного уродства терзают прекрасное лицо. Но в буйном восторге душа поет славу новым чарам и новым разуверениям...» — так писал Б. об этой книге, которая отражала противоречивость и «многомирие» изменившегося сознания художника. Стихи, вошедшие в сб., свидетельствовали о том, что Б. далеко отошел от традиций «соловьевства» и, не порывая, однако, с ним до конца, ищет новые пути в искусстве. Столь разительная перемена была болезненно воспринята недавними единомышленниками Б.— Андреем Белым и Сергеем Соловьевым. Они обвинили его в измене высоким идеалам юности, в отказе от благородной миссии поэта-теурга, призванного

преобразовать мир. Но, как вынужден был признать С. Соловьев, голоса их оказались одиноки: «Именно с появления „Нечаянной Радости“ Блок был восторженно принят публикой и прессой. Блок — поэт „Золотокудрой царевны“ был дорог немногим, Блок „Незнакомки“ стал любимцем толпы» (Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 32).

Б. между тем еще более акцентировал свое едко-ироничное отношение к притязаниям и чаяниям мистиков, упорно ожидающих чуда преображения мира, в трилогии «лирических драм», особенно в **«Балаганчике»** (1906) и **«Незнакомке»** (1907), третья драма — **«Король на площади»** (1906). «Балаганчик» замышлялся как действие, проникнутое «духом мистерии», способное посредством смеховой стихии «одурочить и покорить» косную реальность. Мотивы иронии, скепсиса, издевательства над святынями юности в «Балаганчике» отмечали все; духа очистительной мистерии в нем почти никто увидеть не сумел...

В «Незнакомке» Блок рисует картину воображаемого нисхождения мечты в мир: упавшая с неба звезда воплотилась в образе прекрасной женщины-незнакомки, олицетворяющей высокий, «астральный» идеал, гармонию. Эта пьеса — иносказание в сценических образах о невоплощаемости Идеала, о фатальной неготовности всех к встрече с ним. Так он прощался со своим юношеским сказочным мистицизмом. Однако обрести нравственно-философские и эстетические ориентиры, согласные с новым мироощущением, оказалось нелегко. Б. во время порывает с Андреем Белым и Мережковскими, сближается с Вяч. Ивановым, с бунтарски настроенным Г. И. Чулковым, стремится установить связи с горьковским «Знанием», принимает участие в дискуссиях по актуальным вопросам: о народе и интеллигенции, о судьбах России, о роли искусства и т. д. Он постепенно обретает «ореол человека общественно-го». И все-таки эти годы (1906–08) были в целом кризисными для Б.: он переживал их как период «безвременья» (в 1906 Б. написал статью под таким названием), когда померкли идеалы, подступили опустошенность и отчаяние, когда смешались в сознании грешная «земля» и светлое «небо». Сыграли здесь свою роль и спад не оправдавшей ожиданий революции, и драматические перипетии личной жизни Б. (разлад в семье, серьезный конфликт с Андреем Белым). Все чаще возникают в творчестве поэта мотивы горькой иронии и скепсиса (они встречались и раньше, но звучали приглушенно). В этой непростой ситуа-

ции Б. погрузился в «дионисийскую» стихию забвения и восторга. Он жаждал той безграничной полноты бытия и упоения искусством, которые затмили бы несовершенство мира, притупили боль от несбывающихся надежд. Кульминацией стало страстное и безответное увлечение Б. петербургской актрисой Н. Н. Волоховой. Ей посвящен цикл стихов **«Снежная маска»**, написанный в едином вдохновенном порыве «среброснежной зимой» 1907 (в том же году цикл вышел отд. сб.), а также цикл **«Фаина»**, вошедший во вторую книгу лирической трилогии.

Исход из тупика «безвременья» все теснее связывался в сознании Б. с лирическим образом России. Он нашел в себе силы воспринять крушение надежд и ожиданий не как катастрофу, а как начало долгого, тернистого пути, сужденного и ему, и его родине. В окт. 1908 Б. напишет: «Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые — / Как слезы первья любви!» (**«Россия»**). Такое мировосприятие наметилось в третьем блоковском сб. стихов **«Земля в снегу»** (1908). Образ России предстает в нем не только как «лирическая величина», но и как символ веры в будущее. Настойчиво звучит в книге тема единения личной судьбы человека с судьбой родины. Поэт, считал Б., должен познать все то, что суждено пережить России. Эта же тема стала центральной и в драме **«Песня Судьбы»** (1908). Герой ее, Герман, уходит из тихого родного дома в мир, на просторы России, чтобы услышать ее голоса, встретиться лицом к лицу с реальной жизнью, с бедами века и, наконец, испытать себя, свои силы.

Однако очень нелегко было поэту-романтику, предьявлявшему максималистские требования к жизни, принять мир таким, каков он есть: не обещающим скорого преображения, нелепым, зловещим. «Жизнь или смерть, счастье или погибель» (СС: в 8 т. Т. 8. С. 266) — так стоял тогда для Б. вопрос. С тяжелыми раздумьями и сомнениями уезжал поэт в Италию в апр. 1909. Вернулся он оттуда гораздо более просветленным и воодушевленным. Впечатления, вынесенные им из этого путешествия, воплотились в цикле **«Итальянские стихи»**. С одной стороны, он почти враждебно воспринял атмосферу европейской цивилизации (особенно явно это выразилось в стих. **«Умри, Флоренция, Иуда...»**), но с другой — ощутил вечность, нетленность высокого духа, подлинного творчества, побеждающего смерть и время (**«Равенна»**, **«Эпитафия фра Филиппо Липпи»** и др.).

В конце нояб. 1909 Б., получив известие о безнадежной болезни отца, едет в Варшаву, но не застаёт его в живых. Варшавские впечатления, раздумья о судьбе отца, семьи способствовали возникновению замысла обширной поэмы **«Возмездие»**, над которой Б. работал (с перерывами) до конца жизни и которая так и осталась незавершенной. Б. намеревался показать в ней на широком фоне русской действительности второй половины XIX в. историю одного дворянского рода, «испытавшего на себе возмездие истории, среды, эпохи...».

На рубеже 1900–10-х Б. все острее ощущал необходимость внутреннего синтеза своего мирозерцания, который сделал бы возможной «гармонию противоречий», столь важную для художника. «Или гибель в покорности, или подвиг мужественности» (СС: в 8 т. Т. 5. С. 435). Иного, считал Б., не дано. Усталость и покорность порождает вся безысходная повседневность «страшного мира», к «подвигу мужественности» взывает вера в Россию, в искусство, в будущее. «Свет из тьмы» — эта формула еще в юности стала для Б. выражением одной из безусловных философских истин. Воплощать красоту, добывая ее из хаоса мира и собственной души, — это тяжкая доля. Но другого пути для поэта не существует: «Искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод». Б. — художник того «плодоносного» трагического мирозерцания, которое одно, по его словам, «способно дать ключ к пониманию сложности мира» (СС: в 8 т. Т. 6. С. 105).

Трагическое восприятие действительности у Б. с годами не только не ослабевало, но нарастало. Об этом свидетельствовал четвертый сб. стихов **«Ночные часы»** (1911). В то же время он обретал в себе силы «мужественно глядеть в лицо миру», получая право сказать всему настоящему «нет», имея в глубине души скрытое, но верное «да».

Ощущая границу двух первых десятилетий века как завершение некоего этапа развития, Б. чувствовал необходимость осмыслить пройденный им путь. Именно с таких обобщающих позиций была написана имевшая программный характер статья **«О современном состоянии русского символизма»** (1910), в которой он не только изложил свое понимание символистского искусства, но и охарактеризовал суть собственных худож. поисков, обосновав неизбежность кризиса, наметив возможности выхода из него. Оглядываясь пройденный путь и оценивая настоящее, Б. прослеживал картину изменений в нескольких сферах, подспудную связь кото-

рых всегда пытался уловить: в символистском искусстве, в народном сознании, в своем внутреннем мире и в мистически ощущаемых «мирах иных». Тогда же у Б. возник замысел объединить наиболее важные лирические произведения 1898–1910 в единое целое, в поэтическую трилогию, которую он назвал «трилогией вочеловечения». Этот замысел был осуществлен в 1911–12, когда в московском изд-ве «Мусагет» вышли 3 тома «Собрания стихотворений», каждый из которых имел символически значимое заглавие: I — **«Стихи о Прекрасной Даме»**, II — **«Нечаянная Радость»**, III — **«Снежная ночь»**.

Работая над стих., Б. не оставлял попыток выразить близкие ему темы и идеи в формах символистской драмы. В 1913 он заканчивает пьесу **«Роза и Крест»**, материалом для которой послужили средневековые произведения. Главной в этой драме стала тема «Радости — Страдания», мужественного приятия жизни с ее горестями и разочарованиями, взлетами и падениями. Свои самые заветные мысли и чувства Б. воплотил в романтическом образе Бертрана, неудачника с высокою душой верного рыцаря. С ним были связаны блоковские представления о подлинном человеке. Образ мятежного менестреля Газтана был задуман так, что от него должно исходить веяние тревожного, беспокойного, но не омраченного духа. В нем воплощен своего рода романтический стоицизм, присущий и самому автору.

Конец 1913 ознаменовался для Б. зарождением нового всепоглощающего чувства: на представлении оперы Ж. Бизе «Кармен» в Театре музыкальной драмы он увидел Любовь Александровну Дельмас, исполнявшую главную роль. И снова Б. «слепо» отдался нахлынувшей страсти. В облике Дельмас-Кармен поэту почудились черты «старинной женственности». Ей посвящен цикл **«Кармен»** (1914); с этим эпизодом жизни Б. связаны также некоторые стихи из цикла **«Арфы и скрипки»**, вошедшего в «третью книгу» трилогии, и поэма **«Соловьиный сад»** (1915). Раскрывая худож. замысел поэмы, Б. говорил, что он «сам был очарован пеньем в звенящем саду», надеясь в песнях «заглушить свою грусть и тревожные мысли о судьбе людской» (цит. по: Горелов Анаст. Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. 2-е изд. Л., 1973. С. 593). Но чувство долга не позволило ему искать забвения в райском уголке, куда не доносятся голоса и звуки «страшного мира».

Когда в будничное течение жизни «вмешалась общая и высшая мистика войны», у Б. возникли смутные надежды, навеянные идеями преображения действительности, конца

«старого мира». Эти настроения выразились, в частности, в стих. «Он занесен — сей жезл железный...» (дек. 1914): «...И мы / Летим, летим над грозной бездной / Среди сгущающейся тьмы. / Но чем полет неукротимей, / Чем ближе веянье конца, / Тем лучезарнее, тем зримей / Сиянье Божьего лица». Однако вскоре Б. понял, что надежды эти беспочвенны, что «мировая война есть вздор». К такой оценке происходящих событий он пришел, основываясь и на личном опыте: в июле 1916 он был призван в армию и до марта 1917 служил (под Пинском) табельщиком в инженерно-строительной дружине. Затем, вернувшись в Петроград, Б. становится редактором стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии. Результатом этой необычной для Б. работы стала статья «Последние дни старого режима» (в расширенном варианте — кн. «Последние дни императорской власти», 1921). Стихов после 1916 Б. уже почти не писал, лирическое вдохновение все реже посещало его. Он лишь переиздавал созданные ранее произведения, по-новому группируя их, внося изменения в состав книг и разделов, в отд. тексты. В 1916 в изд-ве «Мусaget» вышло в свет 2-е изд. «Лирической трилогии»; в 1918 Б. подготовил для изд-ва «Земля» 3-е изд. (были напечатаны 1-й и 2-й тома).

Октябрьскую революцию поэт воспринял с воодушевлением: он увидел в ней мощную народную стихию, способную разрушить прежний миропорядок, переустроить жизнь на новых началах. Б. пишет страстную публицистическую статью «Интеллигенция и революция», в которой выступает с призывом принять революцию: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!» (СС: в 8 т. Т. 6 С. 20). Ему казалось, что сам он улавливает в грохоте событий ее грозную, но величавую «музыку». Выражением этих блоковских настроений стала поэма «Двенадцать» (1918). Двенадцать красногвардейцев символизировали движущую силу революции, ее неукротимую поступь. Они — как бы «апостолы нового мира» (Л. К. Долгополов). «Россия — буря, — писал Б. в статье „Интеллигенция и революция“. — Демократия приходит, „опоясанная бурей“». Этот образ английского историка и философа Т. Карлейля оказался очень близок поэту. «Буря» — это и то темное, безудержное, беспощадное, что несет с собой революция. Б. не страшился ее трагической изнанки. Для него главное состояло в том, чтобы мир наконец «взорвался», чтобы люди пробудились от «спячки», чтобы в «пожаре», раздуваемом русской революци-

ей, погибло все, что искажает, уродует жизнь. В финале поэмы возникает символический образ Спасителя («В белом венчике из роз — / Впереди — Иисус Христос»), именем и ликом которого освящается разыгравшаяся «буря» с ее неизбежными жертвами, кровью и страданиями. Вокруг поэмы разгорелись страстные споры: одни восторженно приветствовали ее, другие с негодованием отвергали (среди противников — некогда близкие Б. люди: С. М. Соловьев, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, В. Пяст и др.).

«Двенадцать» и стих. «Скифы» (1918) стали, по сути, заключительным аккордом поэтического творчества Б. Он перестал вдруг слышать «музыку мирового оркестра», из которой рождались его ритмы и образы. Он с горечью почувствовал, что революционный дух начинает угасать, что желанного преобразования жизни и человека так и не произошло. Наступил тяжкий кризис веры, который Б. не смог преодолеть. Это, однако, не мешало ему принимать активное участие в культурной жизни страны. Он работает в комиссии по изданию классиков русской лит-ры, становится (летом 1920) председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов и т. д. В 1920–21 Б. несколько раз выступает с чтением своих стихов в Москве.

Последней книгой, изданной при жизни поэта, была его пьеса «Рамзес» (1921).

В 1920 у Б., страдавшего, как и все петроградцы, от голода, появились первые явные признаки душевной депрессии. В апр. 1921 он ощутил приступы грозной болезни (воспаление сердечных клапанов). Судорожные и запоздалые усилия спасти его не увенчались успехом; в авг. того же года он умер в своей квартире на Пряжке.

Б. был одним из самых ярких выразителей переходного, предреволюционного времени, когда решались судьбы России. Он с предельной искренностью и глубиной обнажил душу и сознание «мятежного» человека начала века. «Блок, — верно отмечал Ю. Н. Тынянов, — самая большая лирическая тема Блока» (Об Александре Блоке. Пг., 1921. С. 240). Значение Б. как личности и как художника образно и точно определила Анна Ахматова, назвавшая его «трагическим тенором эпохи».

Б. был щедро наделен даром пророчества: он многое предвидел, многое угадал. Еще в юности он предсказал и свою собственную судьбу. В одном из писем 1902 он предрекал: «Мне чуются иногда впереди великие надежды и великие прегрешения, и все-таки — свет, свет и радость».

Соч.: СС: в 8 т. М.; Л., 1960–63; Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1–5, 7. М.; СПб., 1997–2003; Стихотворения. Кн. 1–3. СПб., 1994; Записные книжки. 1901–1920. М., 1965; Письма к жене // ЛН. М., 1978. Т. 89; А. Белый и А. Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001.

Лит.: Княжнин В. А. А. Блок. Пг., 1922; Чуковский К. Блок как человек и поэт: Введение в поэзию Блока. Пг., 1924; ЛН. Т. 27–28. М., 1937; ЛН. Т. 92. Кн. 1–5. М., 1980–93; Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1–2; Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990; Андрей Белый. О Блоке. М., 1997; Александр Блок: Pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. СПб., 2004; Соловьев Б. Поэт и его подвиг: Творческий путь Блока. М., 1973; Орлов В. Н. Поэт и город. Блок и Петербург. Л., 1980; Орлов В. Н. Гамаюн: Жизнь Блока. М., 1981; Долгополов Л. К. А. Блок: Личность и творчество. 2-е изд. Л., 1980; Крук И. Т. «Сокрытый двигатель его...»: Проблема эволюции творчества Блока. Киев, 1980; Лесневский С. Путь, открытый взором: Московская земля в жизни Блока: Биографическая хроника. М., 1980; Максимов Д. Е. Поэзия и проза А. Блока. 2-е изд. Л., 1981; Громов П. А. Блок, его предшественники и современники. 2-е изд. Л., 1986; Смолда О. П. «Черный вечер. Белый снег...»: Творческая история и судьба поэмы Александра Блока «Двенадцать». М., 1993; Эткинд Е. Поэтика Блока // История русской лит-ры. XX век. Серебряный век. М., 1995. С. 127–157; Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999; Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000.

В. Н. Быстров

БЛОХ Раиса Ноевна [5(17).9.1899, Петербург — 1943/1944, Германия?] — поэт, переводчик; по специальности — историк-медиевист.

Дочь присяжного поверенного. После смерти отца (1912) жила с матерью в семье старшего брата — переводчика, театроведа, издателя Я. Н. Блоха (1892–1968). Училась в Петроградском ун-те на ф-те общественных наук (1919–20), в семинаре О. А. Добиаш-Рождественской. Прослушав теоретически курс, в июне 1920 подала прошение в Правление Российской Публичной библиотеки с просьбой о принятии на работу в отделение искусств, возглавляемое М. Л. Лозинским, переводческую студию которого посещала параллельно с обучением в ун-те. 15 дек. 1920 по его рекомендации, поддержанной А. А. Блоком, Н. С. Гумилевым, М. А. Кузминым, была принята в Центральное отделение Всероссийского союза поэтов, хотя эксперты отметили не только присущий неопубликованным стихам Б. «клиризм», «несомненный песенный строй», но и «бессодержательность (ЛН. Т.92. Кн. 4. М., 1987. С. 689). Видимо,

успешная деятельность изд-ва «Петрополис», фактически находившегося в руках Я. Н. Блоха (формальным владельцем был А. С. Каган), сделала авторов «Огненного столпа», «Нездешних вечеров» достаточно уступчивыми. В 1921 «Петрополис» выпустил «Эписин» Б. Джонсона в переводе жены и сестры издателя под его редакцией. Тогда же в ночь на 22 сент. Е. И. и Р. Н. Блох были арестованы на его квартире. Акция была произведена как продолжение «Дела ПБО» и конкретно уже казненных Н. С. Гумилева, В. Н. Таганцева и еще 58-ми. 25 нояб. жена и сестра Я. Н. Блоха вышли из тюрьмы (Кузмин М. Дневник. 1921 // Минувшее: исторический альм. 12–13. М.; СПб., 1993) Б. устроилась на работу по специальности в Ин-т истории. 14 июня 1922, зная о предстоящем открытии отделения изд-ва «Петрополис» в Берлине, Б. оформила науч. командировку. Семейный отъезд задержался до конца сент. 15 нояб. на «философском пароходе» отбыл А. С. Каган.

Занятия в Берлинском ун-те, создание дис. (1930) не помешали версификаторству Б. Уже в первой книге **«Мой город»** (1928), посвященной памяти матери и приуроченной к 10-летию изд-ва, она открыто заявила о себе как эпигон акмеизма. Критика (К. В. Мочульский, В. Сирин (В. В. Набоков)) явно услышала ахматовские нотки. Реально же «петербургские» стихи Б. в трех вышедших книгах насыщены реминисценци-

Р. Н. Блох